

И СНОВА О СИСТЕМНОСТИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

© Е. М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье доказывается системность естественного языка, которая заключается в единстве противоположностей: расчлененности, т.е. наличия элементов (подсистем) (фонематический, словообразовательный, лексический, грамматический уровни), и целостности, т.е. наличия структуры (иерархия уровней). Рассматривается проблема отнесения языка к знаковым системам. Статья носит дискуссионный характер.

Ключевые слова: системность языка, расчлененность, целостность, фонематический, словообразовательный, лексический, грамматический уровни, иерархия уровней, знаковая система, конвенциональность.

Естественный язык – это удивительное по своей сложности и многогранности явление человеческого общества. По существу, только язык делает человека человеком. Намного опережая свое время, выдающийся лингвист В.А. Звегинцев писал: «...лингвисты, пожалуй, даже не-

сколько неожиданно для себя обнаружили, что они фактически еще не сделали нужных выводов из того обстоятельства, что человек работает, действует, думает, творит, живет, будучи погружен в содержательный (или значимый) мир языка, что язык в указанном его аспекте, по сути говоря, представляет собой питательную среду самого существования человека и что язык уже во всяком случае является неперенным участником всех тех психических параметров, из которых складывается сознательное и даже бессознательное поведение человека» [1].

Можно говорить о неразделимости языка и человека. Человек как *homo sapiens* вне языка не существует. С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «над языком не властны ни режимы, ни правительства, ни идеологии» [2], и приводит яркий пример, подтверждающий это положение: монархия в России была свержена, вся идеология, воспитание были резко антимонархическими, однако язык сохранил почтительное и уважительное отношение к царю и его власти; человек без *царя в голове* – это человек глупый и никчемный; одной этой поговорки вполне хватило бы, чтобы сохранить хорошее отношение к царю и царизму [Там же].

Многие лингвисты считают, что язык и мышление возникли одновременно и неотделимы друг от друга. Особенно ярко это отразилось в гипотезе Сепира-Уорфа, согласно которой язык определяет категории и шаблоны мышления [3, 4]. У языка и мышления разные роли, но только вместе они способны порождать знания, которые организуются с ориентацией на структуру языка.

Известный французский лингвист Э. Бенвенист, можно сказать, вывел формулу: «Язык воспроизводит мир, но, подчиняя при этом своей собственной организации... “форма” мысли придается ей структурой языка» [5]. Упоминание о «структуре языка» говорит, на наш взгляд, о том, что автор считает естественный язык системой, так же как и многие лингвисты. В частности, М.Я. Блох в своем учебнике «Теоретические основы грамматики», более похожем на монографию, говорит о «системности языка» [6. С. 11]. Он трактует понятие системы следующим образом: «Понятие системы основано на соотношении в едином представлении четырех взаимосвязанных концептов-коррелятов: “совокупности”, “элемента”, “структуры” и “функции”. Из этих понятий первое является родовым, а три других, взятые совместно, раскрывают существенную видовую характеристику определяемого» [Там же. С. 10], т.е., если мы правильно поняли, по мнению автора, система – это совокупность элементов, обладающая структурой и выполняющая некую функцию.

Но всегда ли можно говорить о функции системы? На наш взгляд, это применимо только к системам, созданным человеком (человечеством), а к природным системам – неприменимо. Например, функция тонометра (а тонометр – это система) показывать давление крови у человека.

А какова функция Солнечной системы? Вопрос некорректный. М.Я. Блох предлагает «рассматривать язык как некоторую систему, с присущими любой системе функциональными свойствами» [6. С. 11], т.е. явно считает, что функция обязательно присуща системе. Как мы показали, так бывает далеко не всегда. У языка-то функция как раз есть, но это вовсе не доказывает того, что язык является системой. М.Я. Блох справедливо полагает, что «четко выявляется определяющая общая функция языковых единиц (на наш взгляд, не языковых единиц, а языка. – *Е.Р.*), состоящая в выражении человеческих мыслей в ходе речевого общения» [Там же].

Итак, предложить рассматривать язык как некоторую систему – явно не достаточно. Сначала необходимо доказать, что язык – это система. А для этого надо четко представлять, что такое «система». Выше мы привели определение М.Я. Блоха, которое вызывает у нас ряд возражений. Однако нечеткость определения системы касается не только М.Я. Блоха. Единое определение системы вообще не выработано (подробнее об этом в [7]). Но в многочисленных попытках определения системы общим положением является то, что систему характеризует диалектическое единство противоположностей: с одной стороны – расчлененность, т.е. наличие элементов, с другой стороны – целостность, т.е. наличие структуры. Наличие элементов (расчлененность) отличает систему от «вещи», от «объекта», и в этой связи А.Н. Аверьянов справедливо указывал на то, что система, в отличие от понятий «объект» и «вещь», отражает не отдельное и расчлененное, а противоречивое сочетание многого и единого [8]. Наличие же структуры (целостность) отличает систему от неорганизованной совокупности. «Наиболее фундаментальной частью системных объектов является наличие структуры», – подчеркивал Д.М. Гвишиани [9].

Находим ли мы это единство противоположностей в языке? На наш взгляд, да.

Элементы (а точнее подсистемы) языка – это его уровни. М.Я. Блох выделяет три уровня (он называет их «строи»): «фонетический строй, лексический строй (словарный состав) и грамматический строй» [6. С. 11]. В отношении этого деления возникают два возражения: во-первых, не фонетический, а фонематический или фонологический (например, Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова справедливо говорят не о фонетической системе, а о фонологической системе русского языка [10]), так как единицами этого уровня выступают не звуки, а фонемы; во-вторых, на наш взгляд, следует выделить еще словообразовательный (или морфемный) уровень.

Напомним, что элемент считается неделимым при данном способе расчленения системы. Сам же по себе элемент, рассмотренный на другом уровне, может представлять систему со своими элементами и своей

структурой. Так что рассмотренные на другом уровне фонематический, словообразовательный и т.д. уровни сами являются весьма сложными системами.

При этом каждый уровень, будучи сам системой, тоже обладает своей структурой. С точки зрения А.М. Камчатнова и Н.А. Николиной, «системность в языке означает, что единицы того или иного уровня находятся не в беспорядочном смещении, а в связях и отношениях» [11]. На наш взгляд, это утверждение определяет системность каждого уровня языка, а системность самого языка определяет то, что, если говорить словами А.Н. Камчатнова и Н.А. Николиной, сами уровни языка «находятся не в беспорядочном смещении, а в связях и отношениях», т.е. язык обладает структурой.

А что же является структурой языка? С нашей точки зрения, это иерархия уровней: фонематический уровень – база для словообразовательного (морфемного) уровня, словообразовательный (морфемный) уровень – база для лексического уровня и т.д.

Единица высшего уровня обычно состоит из нескольких единиц низшего уровня. Но возможны случаи, когда единица высшего уровня – это одна единица низшего уровня. Так, предложение может состоять из одного слова («Светает», «Тепло» и т.д.). Характерный пример у В.А. Звегинцева: «Ночь. Луна. Он. Она. ... каждое из этих слов превращается в предложение со своим отдельным смыслом» [12]. Слово может состоять из одной морфемы («Тут», «Вон» и т.д.). Морфема может состоять из одной фонемы («щ-и», «ж-ить» и т.д.).

Яркий пример на эту тему приводил А.А. Реформатский. Два римлянина поспорили, кто скажет (или напишет) короче фразу; один сказал (написал): «Ео гус» – «я еду в деревню», а другой ответил: «I» – «Поезжай». «Это самое короткое высказывание (и написание), которое можно себе представить, но вместе с тем, это вполне законченное высказывание, составляющее целую реплику в данном диалоге и, очевидно, обладающее всем тем, что свойственно любому высказыванию», – отмечал А.А. Реформатский [13].

Действительно, [i] – это фонема; i- – это морфема (в данном случае корень слова), выражающая какое-то понятие (идею передвижения); i- – это слово (глагол повелительного наклонения единственного числа), называющее некое явление действительности; I – это предложение, сообщающее нечто. То есть предложение состоит из одного слова, слово состоит из одной морфемы, морфема состоит из одной фонемы. Крошечное «I» заключает в себе все уровни языка!

Все изложенное позволяет, с нашей точки зрения, говорить о том, что язык – это система.

Довольно часто язык трактуют как знаковую систему. Рассмотрим это подробнее.

Как известно, определения языка (как, впрочем, и определения информации) не существует. Тем не менее, предпринимаются попытки дать ему определение через ближайший род и видовые отличия.

Здесь необходимо некоторое отступление.

Всякое понятие характеризуется наличием содержания и объема. Содержание понятия – это «совокупность тех признаков предметов, которые служат основой обобщения этих предметов в данном понятии» [14. С. 164]. Объем понятия – это количественная характеристика. «Объемом понятия называют класс обобщаемых в нем предметов» [Там же. С. 54].

В мышлении человека над понятиями осуществляются логические операции, главнейшими из которых являются операции обобщения и ограничения, играющие в процессе познания важнейшую роль. Авторы учебника логики дают следующее определение операции ограничения понятия: «Ограничением понятия называется такая логическая операция, при помощи которой суживается объём понятия путём добавления к признакам исходного понятия нового признака, относящегося лишь к части предметов, входящих в объём исходного понятия» [15]. Например, добавив в содержание понятия «автомобиль» признак «легковой», который принадлежит только части автомобилей, мы получаем понятие «легковой автомобиль».

Обратной по отношению к операции ограничения понятия является операция его обобщения. Е.К. Войшвилло по этому поводу писал: «Операция обобщения понятия определяется в традиционной логике как переход от некоторого понятия к другому, более широкому по объёму, за счет исключения из содержания исходного понятия какого-либо из признаков, составляющих видовое отличие обобщенных в этом понятии предметов» [14. С. 222]. То есть для того чтобы обобщить понятие «легковой автомобиль», мы должны исключить из его содержания признак «легковой». Тогда получим понятие «автомобиль» с более широким объемом.

В результате операции обобщения мы получаем подчиняющее понятие, или логический род. В результате операции ограничения мы получаем подчиняемое понятие, или логический вид. В нашем примере логический род – «автомобиль», а логический вид – «легковой автомобиль».

Многие исследователи, проводя операцию обобщения понятия «язык», приходят к родовому понятию «знаковая система». Это выглядит логичным: и у слова языка, и у знака знаковой системы есть план содержания (означаемое) и план выражения (означающее). Например, в такой простейшей знаковой системе, как светофор, означаемое – запрет движения, означающее – красный свет. Но ведь видовое понятие должно обладать всеми признаками родового понятия. В нашем приме-

ре видовое понятие «легковой автомобиль» обладает всеми признаками родового понятия «автомобиль». А обладает ли видовое понятие «язык» (если оно таковым является) всеми признаками родового понятия «знаковая система»? Думается, что нет. Ведь важнейшие признаки знаковой системы – коммуникативная функция (т.е. она является средством общения), свойство конвенциональности (т.е. имеется договоренность между лицами, пользующимися данной системой, в отношении того, что означает каждый знак), свойство однозначности (одному означаемому соответствует одно и только одно означающее, одному означающему соответствует одно и только одно означаемое). В нашем примере коммуникативная функция знаковой системы «светофор» – запретить или разрешить движение. Конвенциональность заключается в том, что существует договоренность в отношении того, что красный свет является запрещающим, а зеленый – разрешающим. Однозначность знаков мы наблюдаем в том, что красный свет – это только запрет движения, а запрет движения – это только красный свет; зеленый свет – это только разрешение движения, а разрешение движения – это только зеленый свет.

Теперь посмотрим, обладает ли этими признаками язык. В отношении коммуникативной функции сомнений нет. Язык обладает и другими функциями (например, эмотивной функцией), но коммуникативная функция является основной: язык и появился как средство общения.

А есть ли момент конвенциональности в языке? Нет, язык не создается сознательно, по заранее продуманным правилам. Никогда никто не договаривался, что в русском языке сочетание звуков к-о-т будет означать кота, а в английском языке сочетание звуков d-o-g будет означать собаку. Уж не говоря о том, что для того, чтобы договориться, надо было бы говорить на каком-то другом языке. А вот в отношении знаковой системы конвенция (договоренность) осуществляется на естественном языке. М.Я. Блох справедливо отмечает: «Где нет естественного языка, там не может быть и никакой искусственной знаковой системы, специфически замещающей собой лишь отдельный его участок» [6. С. 13]. Казалось бы, выдвигаемое положение должно было бы подтолкнуть автора к тому, чтобы сделать следующий шаг и не относить естественный язык к знаковым системам. Но этого следующего шага он не делает.

Важно подчеркнуть, что нет никакой внутренней обусловленности соединения звуков со значением. Язык – это естественно – историческое образование. Этим и объясняется его слабая организованность (исключения, многозначность, т.е. наличие синонимии и омонимии и т.д.). Причем слабая организованность вовсе не является недостатком языка. Только благодаря ей язык и может выполнять свои функции.

Вышеизложенное приводит к выводу, что момента однозначности в языке нет. Как раз наоборот, языку свойственна многозначность. А что

было бы со знаковой системой, если бы в ней была многозначность? Посмотрим, что было бы, если бы в ней было то, что в языке соответствует синонимии (совпадение плана содержания при несовпадении плана выражения). В нашей простейшей знаковой системе «светофор» запрет движения (означаемое) передавался бы красным светом и зеленым светом (означающее). Теперь посмотрим, что было бы, если бы в знаковой системе было то, что в языке соответствует омонимии (совпадение плана выражения при несовпадении плана содержания). В нашей простейшей знаковой системе «светофор» – красный свет (означающее) – означал бы и запрет, и разрешение движения (означаемое). Да такая знаковая система просто никому бы не была нужна!

Следует отметить, что трактовка языка как знаковой системы очень распространена. Однако есть лингвисты, которые в этом сомневаются, а некоторые ученые не считают язык знаковой системой вовсе. Так, Л. Ельмслев писал: «... языки не могут описываться как чисто знаковые системы» [16]. У В.А. Звегинцева читаем: «Хотя язык нередко определяют как систему знаков, мы знаем, что по отношению к языку в целом такое определение неправомерно» [17].

Стоит подумать, имеет ли смысл трактовать язык как видовое понятие родового понятия «знаковая система», поскольку понятие «язык» не обладает всеми признаками понятия «знаковая система» (свойством конвенциональности, свойством однозначности).

То, что язык является системой, – это очевидно, а вот знаковая она или нет – здесь мнения расходятся.

Литература

1. *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. С. 19.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). М., 2000. С. 83.
3. *Sapir E.* Selected Writings in Language Culture and Personality. Edited by D.Y. Mandelbaum. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1947.
4. *Whorf B.L.* Language, Thought and Reality. Selected writings, edited by J.B. Carroll. Cambridge, Mass.: MIT Press & New York: Wiley, 1956.
5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 27.
6. *Блох М.Я.* Теоретические основы грамматики: Учеб. 3-е изд., испр. М., 2002.
7. *Ручимская Е.М.* Системный анализ языка предметных рубрик в теории каталогов // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 2002 / Под ред. Д.М. Гвишиани, В.Н. Садовского и др. М., 2004. С. 289–308.

8. *Аверьянов А.Н.* Система: философская категория и реальность. М., 1976. С. 24.
9. *Гвишиани Д.М.* Диалектика и принципы системного анализа // Системный анализ и управление научно-техническим прогрессом: (Тез. к теорет. конф.). Москва, Обнинск, 1978. С. 5.
10. *Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. 5-е изд., испр. М., 2003. С. 147–149.
11. *Камчатнов А.М., Николина Н.А.* Введение в языковедение: Учеб. пособие для филологических факультетов университетов и педагогических вузов. 3-е изд. М., 2001. С. 67.
12. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. С. 180.
13. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. М., 2001. С. 35.
14. *Войцивилло Е.К.* Понятие. М., 1967.
15. *Логика* / под ред. Д.П. Горского и П.В. Таванца. М., 1956. С. 54.
16. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 305.
17. *Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М., 1996. С. 185.

Москва